

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН

Востоковедные чтения 2016.
Языки Южной и Юго-Восточной Азии

Тезисы докладов межинститутской
научной конференции
Москва, 26 октября 2016

ББК 81

Составитель А.С. Панина.
Научный редактор З.М. Шаляпина

Востоковедные чтения 2016. Языки Южной и Юго-Восточной Азии. Тезисы докладов научной конференции. Москва, Институт востоковедения РАН, 26 октября 2016 г.

© Институт востоковедения РАН, 2016

Роман Александрович Андросенко
СПбГУ (Санкт-Петербург)

**Опыт анализа поэзии Го Можо
в контексте его жизненных реалий:
на примере стихотворения «Цинь фэн цзянь цзя» «秦风蒹葭»**

В предлагаемом сообщении предпринят анализ стихотворения Го Можо (郭沫若, 1892–1978) «Цинь фэн цзяньцзя» 秦风蒹葭 в аспекте попытки установления связей поэтического творчества автора с его жизненными реалиями. Название этого стихотворения (в 13 строк, образец т. наз. верлибра) означает: «По мотивам песни (произведения) “Тростник” из подраздела “Песни царства Цинь” раздела “Го фэн” (國風 «Нравы/Ветры царств») антологии «Ши цзин» (詩經 “Книга песен”, или “Канон поэзии”)). Оно вошло в сборник лирической поэзии Го Можо «Цзюаньэр цзи» (卷耳集, «Ясколка»), изданный в 1923 г., и никогда прежде не привлекало к себе, насколько мне известно, специального внимания отечественных синологов-литературоведов (работы С.Д. Марковой и Н.Т. Федоренко).

Между тем, примечателен год публикации сборника. В апреле 1923 г. Го Можо приехал в Шанхай вместе с горячо любимой им Сато Томико (яп. 佐藤富子) и их тремя детьми. Они познакомились еще в 1916 г. и стали жить в гражданском браке, т. к. родные Го Можо резко возражали против его женитьбы на японской девушке [McDougall, Louie, 1999, с.38]. Семью преследовали и финансовые трудности, вынудив их к переезду в Шанхай. Переживания Го Можо текущих жизненных коллизий усугубил отъезд жены, на несколько месяцев уехавшей на родину (вернулась в ноябре того же года; см. [Chen, 2007, p.19]). Таков биографический контекст разбираемого стихотворения.

На первый взгляд оно, действительно, является вариацией на тему «Цзяньцзя» «蒹葭» из «Ши цзина» (в русском переводе «Тростник с осокой сини-сини», I, XI, 4 [Ши цзин, 1987, с.41]; см. также [The She King, 1960, p.195-197]). Однако обращают на себя внимание два нюанса. Во-первых, лирический герой Го Можо мечтает перебраться (ду 渡) через реку, тогда как героиня «Цзяньцзя» идет в поисках любимого вдоль речного берега. Как показывают исследования китайской поэзии, в лирике на любовные темы река не просто символизировала разлуку влюбленных (супругов), но и служила метафорой трудности их встречи (напр., [Кравцова, 2001, с. 141]). Во-вторых, в заключительной строке стихотворения возлюбленная лирического героя, которую он видит где-то посередине реки, превращается в мираж (хуаньин 幻影) – возможная аллюзия на знаменитую «Ло.

шэнь фу» (洛神賦 «Божество/Фея реки Ло», переводы на русский яз. см. в [Цао Чжи, 2000, с. 217-251]) великого Цао Чжи (曹植 192-232).

Таким образом, не исключено, что разбираемое стихотворение отнюдь не являлось очередным поэтическим экспериментом Го Можо по объединению национальных поэтических традиций и современных на тот момент литературных новаций. В нем нашли отражение его душевные переживания: муки от разлуки с любимой и страх ее навсегда потерять.

Литература

1. Кравцова М. Е. *Поэзия вечно просветления: Китайская лирика второй половины 5-начала 6 века*. СПб: Наука, 2001. 407 с.
2. Маркова С. Д. *Поэтическое творчество Го Мо-жо*. М.: Изд-во Восточной лит., 1961. 98 с.
3. Федоренко Н.Т. *Го Мо-жо*. М.: Изд-во Восточной лит., 1955. 466 с.
4. *Го Можо цюаньцзи* 郭沫若全集 王雲五 文学编. Ди у цюань 第 5 卷 (т.5). Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ 人民文学出版社, 1984. 453 с.
5. Цао Чжи. *Фея реки Ло* / Сост. Р.В. Грищенков; пред. Л.Е. Черкасский. СПб: «Кристалл», 2000. 255 с.
6. *Ши цзин: Книга песен и гимнов* / Пер. с кит. А. Штукина, вступ. ст. Н. Федоренко. М.: Художественная литература, 1987. 352 с
7. Chen, Xiaoming. *From the May Fourth Movement to Communist Revolution*. New York: State University of New York, 2007. 151 p.
8. McDougall, Bonnie S., Louie, Kam. *The Literature of China in the Twentieth Century*. London: C. Hurst & Co. Publishers, 1997. 504 с.
9. *The She King or The Book of Poetry // The Chinese Classics / Tr. by James Legg. Vol. IV. 2-nd. ed. Taipei: SMC Publishing Inc., 1991. 785 p.*

Жанр *цзацзуань* в средневековой китайской литературе и китайская лексикография

В докладе предполагается рассмотреть структурные особенности жанра *цзацзуань* в средневековой китайской литературе, по-видимому, не имеющего аналогов в мировой литературе, а также высказать некоторые гипотезы о факторах, обусловивших его формирование. Мы предполагаем, что одним из таких факторов могла быть традиционная китайская лексикография, и главным образом – лежащий в ее основе словарь «Эрья» (III в. до н.э.), включенный в эпоху Тан в систему канонов, обязательных для изучения и заучивания наизусть.

Особенность композиции *цзацзуань* состоит в том, что под одним заголовком группируется ряд высказываний: под общую рубрику подводятся очень разнородные ситуации, которую они вызывают у человека. Объединяющий признак выражается заголовком. Ср. *цзацзуань* одного из классиков этого жанра Ли Шан-иня (И-Шаня), жившего в IX веке н.э. [Циперович 1975, с. 6-7]: «Невыносимо: лето – толстяку; прийти домой и застать жену сердитой; находиться в подчинении у взяточника...».

Этот жанр нашел своеобразное преломление в японской средневековой дневниковой и эссеистической прозе, что отмечалось рядом исследователей [Горегляд 1975, с. 336-337; Циперович 1975, с. 25-27]. Так, некоторые фрагменты (даны) в «Записках у изголовья» Сэй-Сёнагон, а также некоторые фрагменты «Записок от скуки» Кэнко-хоси имеют структуру *цзацзуань* (Сэй-Сёнагон 1988).

Икэда Кикан [1932] выделил в «Записках» Сэй-Сёнагон в том числе т.н. классифицирующие даны [см. Горегляд 1975, с. 337-340]. Это, например, «Горы», «Моря», «Водопады», «Пруды», «Рынки», «Мосты», «Здания», «Сборники стихов», «Темы стихов». Такие даны представляют собой списки соответствующих объектов. Иногда упоминание объекта может сопровождаться кратким комментарием (воспоминанием, аллюзией, шуткой), иногда – нет.

По нашим подсчетам, в «Записках» содержится не менее 30 классифицирующих данов (из 306). Список заголовков этих данов заставляет вспомнить о рубриках (главах) китайского словаря «Эрья», текст которого сложился в основном в III-II вв. до н.э. [Yong & Peng 2008, p. 60-61; Гурьян 2014, с. 15-21]. Предложенная в «Эрья» семантическая классификация, отражающая, по мнению ряда исследователей, философскую концепцию ойкумены, легла в основу целого ряда других китайских, и не только китайс-

ких, словарей [Терентьев-Катанский 2002, с. 17], и оказала влияние на формирование жанра энциклопедий – лэйшу [Durrant 1986, p. 315].

В 837 г. «Эрья» был включен в систему канонов (цзин), обязательных для заучивания наизусть человеком, получающим образование [Кобзев 1990, с. 38; Гурьян 2014, с. 168].

«Эрья» включает в себя 19 глав [Yong & Peng 2008, p. 66-67; Гурьян 2014, с. 39-40]. Можно заметить, что заголовки некоторых классифицирующих данов у Сэй-Сёнагон полностью или почти полностью совпадают со следующими названиями глав «Эрья»: «5. Жилище», «7. Музыка», «11. Горы», «12. Воды», «13. Травы», «14. Деревья», «15. Насекомые», «17. Птицы».

Нам представляется, что это совпадение не случайно. Весьма вероятно, что Сэй-Сёнагон была знакома с этим словарем. И не подлежит сомнению то, что китайские авторы *цзацзуань* были не просто знакомы с «Эрья», а знали его наизусть: это было обязательным требованием.

Словарь «Эрья» был включен в систему канонов не случайно. Он задавал не только некую структуру ойкумены, но и навык классифицирующего мышления, навык структурирования, причем не только внешнего пространства, но и внутреннего, ментального пространства. И этот стиль мышления, как нам представляется, мог оказать влияние на формирование такого необычного литературного жанра, как *цзацзуань*.

Литература

1. Горегляд В.Н. *Дневники и эссе в японской литературе X-XIII вв.* М.: Наука, ГРВЛ, 1975. 380 с.
2. Гурьян Н.В. *Первый китайский словарь «Эрья». Опыт историко-филологического исследования.* М.: Восточная книга, 2014. 208 с.
3. Кобзев А.И. *Каноны как учебники и учебники как каноны в традиционной культуре Китая* // Проблемы школьного учебника. Вып. 19. История школьных учебных книг. М.: Просвещение, 1990. С. 32-50.
4. Сэй-Сёнагон. *Записки у изголовья.* Камо-но Тёмэй. *Записки из кельи.* Кэнко-хоси. *Записки от скуки.* Классическая японская проза XI-XIV веков. М.: Художественная литература, 1988. 479 с.
5. Терентьев-Катанский А.П. *Смешанные знаки [трех частей мироздания].* М.: Восточная литература, 2002. 240 с.
6. *Цзацзуань. Изречения китайских писателей IX-XIX вв.* Сост.

- В.А. Вельгус. Пер., предисл. и примеч. И.Э.Циперович. Изд. 2-е. М.: Наука, ГРВЛ, 1975. 135 с.
7. Циперович И.Э. *Цзацзуань – особый вид китайских изречений* // Цзацзуань. Изречения китайских писателей IX-XIX вв. Изд. 2-е. М.: Наука, ГРВЛ, 1975. С. 5-37.
8. Yong H., Peng J. *Chinese Lexicography. A History from 1046 BC to AD 1911*. Oxford: Oxford University Press, 2008. 458 с.
9. Durrant S. *Ching (classics) // The Indiana Companion to Traditional Chinese Literature*. Nienhauser W.H. (ed. and compiler). Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 1986. Pp. 309-316.

Павел Павлович Ветров

РГГУ, Институт лингвистики (Москва)

Фразео-лексическая сочетаемость и конструктивная обусловленность воспроизводства фразеологизмов-идиом в речи (на материале современного китайского языка)

Постановка проблемы

Любая фразеологическая единица, и в первую очередь идиома (*далее сокр.* – ФЕ-идиома)* в любом языке воспроизводится в речи только при определенных условиях или «правилах», соблюдение которых обеспечивается языковой интуицией носителя данного языка. Языковая интуиция относительно употребления ФЕ-идиом не возникает спонтанно, а формируется направленно в процессе овладения речью на данном языке и необходимыми для ее реализации языковыми средствами выражения мысли.

Важно отметить, что процесс, ведущий к полноценному овладению обиходным фразеологическим пластом общенационального китайского языка *путунхуа* (в частности его архаичными единицами), у самих его носителей протекает достаточно длительно, как минимум, вплоть до окончания среднего школьного возраста (примерно 18 лет). Во многом решению этой задачи в самом Китае содействует как школьная программа, так и массовые издания специальных фразеологических словарей и учебных пособий.

* Под идиомами в нашей концепции мы, вслед за А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским, будем иметь в виду сверхсловные образования, которым свойственна высокая степень идиоматичности и устойчивости. Причем признак сверхсловности предполагает рассмотрение не только тех ФЕ-идиом, которые имеют структуру словосочетания, но и тех идиоматичных ФЕ, структурная основа которых представлена квазипредложением.

Традиционно (на протяжении всего XX века) цель подобных изданий преимущественно заключалась в том, чтобы дать читателю объяснение значения и этимологии той или иной ФЕ. Однако в последнее время стала проявляться новая тенденция: в справочных и учебных изданиях по китайской фразеологии начинают все больше уделять внимание формированию навыка правильного употребления ФЕ. Однако до сих пор не существует специальных изданий (словарей), где бы детальным и исчерпывающим и, главное, системным образом описывались бы все "правила" употребления и запреты на употребление хотя бы наиболее часто встречаемых в речи ФЕ-идиом. И если для носителя китайского языка активное владение фразеологизмами является хоть и не совсем простой, но все же посильной, решаемой задачей, то для тех, кто не является носителем этого языка, фразеологическая грамматика во многом "остаётся за кадром".

Помимо ее очевидной методической ценности в деле изучения китайского как иностранного на продвинутом этапе, она представляет собой значительный интерес и для лингвистики, причем результаты наблюдений и специальных исследований, направленных на обстоятельное описание грамматики фразеологизма, несомненно, будут иметь ценность не только для отдельно взятого китайского языкознания, но и для общей теории фразеологии в целом.

Под грамматикой фразеологизма мы имеем в виду весь тот свод синтаксических, сочетаемостных (семантических), прагматических, коммуникативных, стилевых и иных правил, которые определяют возможность или невозможность стандартного употребления фразеологизма в речи в данном контексте (конситуации).

Предварительные выводы пилотажного исследования

С точки зрения синтаксических (конструктивных) ограничений, а также с учетом семантических закономерностей сочетаемости китайских ФЕ-идиом с лексическими единицами на фоне обследованного континуума разнотипных ФЕ-идиом (среди них проанализированы предикативные ФЕ, ФЕ в функции актантов и сирконстантов) возможно выделить два полюса.

К одному из них относятся те ФЕ, которые всегда воспроизводятся в речи только в рамках одной определенной синтаксической конструкции, в сопровождении определенного слова или ограниченной группы слов, относящихся к узкой семантической группе; на другом полюсе находятся ФЕ, способные функционировать в предложении в нескольких синтаксических позициях, а значит и в разнотипных синтаксических конструкциях, обнаруживая при этом широкие сочетаемостные возможности (как правило, эта закономерность отмечается у ряда предикативных ФЕ). Между двумя означенными типами ФЕ-идиом выделяется промежуточный их тип, единицы

этого типа функционируют лишь в строго ограниченном наборе синтаксических конструкций.

Эти и сопутствующие им промежуточные данные позволяют обосновать положение о том, что, во-первых, своеобразно избирательный и часто "капризный" синтаксис ФЕ-идиом, очевидно, требует включения его в сферу описательной грамматики данного конкретного языка. Во-вторых, весь набор различных факторов (в первую очередь грамматических и семантических), определяющих возможность воспроизводства ФЕ-идиом в речи, дает возможность рассматривать их синтактико-сочетаемостные свойства в рамках самостоятельного подраздела описательной грамматики – грамматики фразеологизмов.

Олег Маркович Готлиб
Евгений Владимирович Кремнёв
Татьяна Евгеньевна Шишмарева
МГЛУ ЕАЛИ (Иркутск)

К вопросу о графических изменениях в эволюции китайских письменных знаков в трактовке И.М. Ошанина¹

Объект нашего анализа – текст защищенной в 1943 г. диссертации И.М. Ошанина «Происхождение, развитие и структура современного китайского письма», [Готлиб, 2014, с. 158]. Один из аспектов работы – рассмотрение графических изменений в эволюции китайских письменных знаков. Они обуславлены, на его взгляд, тремя факторами: а) изменением орудий письма; б) экономией труда в процессе письма и в) развитием эстетических навыков и потребностей [Ошанин, 1943, с. 101-102].

Рассматривая первый фактор, И.М. Ошанин выделяет всего четыре основных почерка китайского иероглифического письма: 1) гувэнь (古文); 2) дачжуань (大篆); 3) сяочжуань (小篆); 4) кайшу (楷书). Основой такого деления является смена основных орудий письма: 1) нож и различный случайный материал (кость, щиты черепах, дерево, бамбук, камень, бронза); 2) резец или дерево или бамбук; 3) бамбуковый карандаш и бамбуковые дощечки; 4) кисть и бумага.

Вторая причина – экономия труда, т.е. стремление замены более сложной формы письменного знака более простой – отмечается уже в самую начальную эпоху развития иероглифического письма. В результате такого

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Отечественные труды в области грамматики китайской письменности» № 13-04-00248.

рода сокращений в разные эпохи появляются такие самостоятельные почерки, как *ци цзы* (奇字), утвержденные в эпоху Хань, «хотя и под насмешливым названием «странные иероглифы» [Там же, с.105]; так называемые «цзяньбицзы» (简笔字), т.е. иероглифы сокращенного начертания, не канонизированные лексиконами или декретами центральной власти и существующие ныне в количестве около 300 и имеющие широчайшее хождение по всей стране [Там же, с. 106-107]; скорописные почерки китайского письма – *синшу* (行书) – «ходовое письмо» и *цаошу* (草书) – «травянистое письмо». [Там же, с. 107].

Обращаясь к третьему фактору, И.М. Ошанин указывает, что примером единения эстетического и прагматического в изменении написания знаков может случить тот факт, что уже при династии Цинь в III веке до н.э. декретом Шихуана узаконены такие почерки, как: 1) «кэфу» (刻符) – узорный почерк для верительных бирок удостоверяющих документов; 2) «чуншу» (虫书) – специальное узорное письмо для знамен и сигнальных флагов, в котором основным художественным мотивом являются фигуры птиц и животных. 3) «муинь» (木印) – специальный вариант почерка «дачжуань» для печатей, отличающийся во избежание подделок большим количеством линий изломанных в горизонтальном и вертикальном направлениях. 4) «шушу» (署书) – специальный узорный почерк для надписей на воротах зданий и для вывесок правительственных учреждений. 5) «шушу» (殳书) – специальный узорный почерк для надписей на оружии [Там же, с. 108-109].

Завершая свой анализ, И.М. Ошанин делает важный, на наш взгляд, дидактический вывод: «Построение курса иероглифического письма должно базироваться на древнейших известных начертаниях элементов и идеограмм, иначе можно совершить ошибку в анализе идеограммы, – неправильно определив ее состав». [Там же, с. 110]

Литература

1. Готлиб О.М., Кремнёв Е.В., Шишмарева Т.Е. Отечественные труды в области грамматики китайской письменности второй половины XIX – первой половины XX вв. В.П. Васильев, С.М. Георгиевский, Ю.В. Бунаков, И.М. Ошанин: монография. Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2014. 283 с.
2. Ошанин, И.М. Происхождение, развитие и структура современного китайского письма: дис. ... канд. филол. наук. М: Военный институт иностранных языков Красной Армии, 1943

.Сергей Юрьевич Дмитренко
ИЛИ РАН – СПбГУ (Санкт-Петербург)

Вариативность глагольного управления в кхмерском языке¹

Доклад посвящен изучению основных моделей управления, характерных для двухвалентных глаголов в кхмерском языке, и выявлению случаев вариативности глагольного управления. Заметим, что существующие грамматические описания кхмерского языка проблемы глагольного управления практически не рассматривают.

Работа над материалом велась по типологической анкете, разработанной С.С. Саем, которая подробно обсуждалась на заседаниях типологического семинара ИЛИ РАН «Категории глагола и структура предложения» ИЛИ РАН [Сайт2011]. Анкета включает 130 предложений-стимулов.

Таким образом, всего было проанализировано 130 кхмерских глагольных лексем, но особенность языкового материала привела, в результате, к исключению из рассмотрения 28 лексем, представленных в исходной анкете. Причины этого различны (некоторые из них будут подробно рассмотрены в докладе) и нередко «индивидуальны» для каждой лексемы. Так, например, ситуация, обозначаемая русским глаголом *находить*, кхмерским языком будет передаваться по-разному (в зависимости от неагентивности/агентивности интерпретации). В неагентивных контекстах (типа *Петя (случайно) нашел на дороге кошелек*) будет использоваться глагол *khɔːŋ* ‘видеть’ (или сериальная конструкция *prɔtɛaŋ khɔːŋ* ‘встретить видеть’). Если ситуация агентивна (*После долгих поисков я нашел эту книгу в маленьком книжном магазине*), то будет использована результативная сериальная конструкция, состоящая из глагола *rɔːŋ* ‘искать’ и глагола, обозначающего результат (например, глагола *baːn* ‘получить’).

Оставшиеся лексемы, распределились по трем неравноценным классам, в которые объединяются лексемы, реализующие различные стратегии управления вторым актантом:

1) Глаголы, допускающие только прямое маркирование второго актанта. Глаголы данного класса представляют доминирующий способ маркирования второго актанта двухместного предиката в кхмерском языке – соответствующая именная группа находится в позиции после глагола и не оформляется каким-либо сегментным показателем. К данному классу относятся 63 лексемы, допускающие только прямое маркирование. Также мы

отнесли к этому классу еще 19 глаголов, для которых такая модель является основной, но которые допускают и предложное маркирование второго актанта.

2) Глаголы, допускающие только косвенное (предложное) маркирование второго актанта. К этому классу относятся 15 лексем.

3) Глаголы, допускающие образование обеих конструкции (с прямым маркированием и с косвенным маркированием), но при этом невозможно сказать, какая из конструкций является основной. К этому классу относятся всего пять лексем.

В 24 случаях, таким образом, наблюдается варьирование прямой и предложной моделей управления вторым актантом.

Преобладание модели прямого (беспредложного) управления вторым актантом, – характерная черта кхмер. яз., ожидаемая как типологически, так и ареально. Предложное маркирование второго актанта в монкхмерских языках представляет собой более редкую стратегию (ср., в частности, [Jenny, Weber, Weymuth 2015, p. 128]), хотя встречается не только в письменной речи, но и в разговорном языке.

Литература

1. Сай С.С. Неканоническое маркирование актантов многоместных предикатов: опыт квантитативно-типологического исследования // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. 2011. Т. VII. Ч.3. с.424-430.
2. Jenny M., Weber T., Weymuth R. The Austroasiatic Languages: A Typological Overview // Jenny M., Sidwell P. (eds). *The Handbook of Austroasiatic Languages*. Brill: Leiden, The Netherlands. 2015. p. 13-144.

Герман Борисович Дудченко

Невский институт языка и культуры (Санкт-Петербург)

Неологизмы в виде фонетических заимствований в китайском языке

В формировании лексического состава китайского языка фонетические заимствования долгое время были в целом нехарактерны. Среди примеров слов, которые образованы транскрибирующими иероглифами и

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 14-04-00474

уже давно используются, можно привести 阿司匹林 [āsīpīlín] {аспирин}, 摩托车 [mótuōchē] {мотоцикл}, 麦克风 [màikēfēng] {микрофон}. Сюда же относятся некоторые нарицательные существительные, возникшие из имен собственных – 马克思主义 [mǎkèsī zhǔyì] {марксизм}, 安培 [ānpéi] {ампер}, 瓦特 [wǎitè] {ватт} [现代俄汉双解词典 1998].

Во второй половине XX в. наряду с передачей новых понятий кальками из других языков стало появляться немало фонетических заимствований. Можно выделить несколько критериев неологизмов с примерами из китайского языка.

Первый из критериев – это слова, передающие понятия, ранее не существовавшие, которые неологизмами являются и в тех языках, откуда они заимствованы. Много таких примеров относится к сфере информационных технологий, а также к социальным явлениям: 伊妹儿 [yīmèi'er] {электронная почта, e-mail}, 博客 [bókè] {блог}, 雅皮士 [yápíshì] {яппи} [Васильева 2009, с. 43, 95-96].

Есть примеры, когда слово в своё время явилось настолько ярко выраженным неологизмом, что по-прежнему приводится как пример их возникновения и воспринимается соответствующим образом. Для обозначения оптического квантового генератора был использован англоязычный акроним light amplification by simulated emission of radiation. В другие языки слово заимствовалось посредством транслитерации или транскрипции. В частности, в китайском языке появились слова 莱赛 [láisài] и 镭射 [léishè] {лазер} [Васильева 2009, с. 64-65; 现代俄汉双解词典 1998].

Другой критерий неологизмов – отсутствие устоявшейся нормы, когда слово транскрибируется иероглифами в разных вариантах. Например, 沙拉 [shālā] и 色拉 [sèlā] {салат}, 骇客 [hàikè] и 黑客 [hēikè] {хакер} [Васильева 2009, с. 53-54, 77-78; 汉英小词典 2012; 汉英小词典 2014].

Еще один критерий – появление для слов синонимов в виде заимствований в относительно недавнее время. В ряде случаев они не только дублировали слова, но и передавали лексические нюансы. Например, кроме 公共汽车 [gōnggòng qìchē] {автобус} появилось слово 巴士 [bāshì] (предположительно от английского bus), которое означает, как правило, современный крупногабаритный автобус. Данный слог – 巴 [bā] – вошел в состав и других слов: 双巴 [shuāngbā] {двухъярусный автобус}, 中巴 [zhōngbā] {автобус средней вместимости}, 小巴 [xiǎobā] {микроавтобус} [Васильева, с. 40, 84, 92, 99; 汉英小词典 2012; 汉英小词典 2014].

Литература

1. Васильева С.Г. Лю Гуаньчжун. Китайско-русский словарь иностранных заимствований в современном китайском языке. 现代汉语外来词 汉俄词典. М.: Восточная книга, 2009. 160.
2. 汉英小词典 [Ханьюй сяо цыдянь] {Малый китайско-английский словарь}. Чанчунь: Цилиньская издательская компания, 2012.
3. 汉英小词典 [Ханьюй сяо цыдянь] {Малый китайско-английский словарь}. Чэнду: Сычуаньское издательство словарей, 2014.
4. 现代俄汉双解词典 [Сяньдай эхань шуанцзе цыдянь] {Новый китайско-русский словарь}. Пекин: Издательство «Иностранные языки», 1998.

Дмитрий Иванович Еловков
СПбГУ (Санкт-Петербург)

Некоторые особенности номинации в кхмерском языке

В исследованиях по кхмерскому языку, некоторые формальные вопросы номинации рассматривались в [Лонг Сеам 1975], а семантические аспекты – в [Еловков 1988], см. также [Еловков 2009].

В кхмерском языке я выделяю 7 типов НЕ.

1. Существительные, обозначающие форму, которые употребляются вместе с другим конкретным существительным в препозиции к нему: *Taŋ* «нечто узкое или тонкое, длинное, негибкое – типа палки, стержня»; *khsae* «нечто тонкое, длинное, гнущееся – типа веревки, ленты». Ср. *Taŋ dik* («палка»-вода) «русло» и *khsae dik* («веревка»-вода) «течение»

2. Слова с широким, недифференцированным значением, что позволяет употреблять их для наименования большого количества однородных предметов и действий.

Например, *ku:n* «прямой потомок в первом поколении»: сын, дочь, ребенок, дети, детеныш, котенок, теленок» и т. п. Это слово употребляется как самостоятельно, так и с уточняющим компонентом: *ku:n prus* (потомок-мужчина) «сын», *ku:n sri*: (потомок-женщина) «дочь», *ku:n go* (потомок-корова, бык) «теленок».

Глагол *keit* выражает только идею возникновения и переводится в зависимости от контекста: «родиться (о ребенке)», «возникнуть (об организации)», «начаться (о войне, болезни)».

3. Слова с узкореперентным значением.

Так, в кхмерском языке отсутствует общее слово «корзина», есть только обозначения определенных видов корзин: *kantrak* «корзина средней величины, глубокая, продолговатая, с ручками» – для переноски вещей, продуктов; *kañjei* «большая глубокая круглая корзина без ручек» – используется для хранения продуктов; *kañjraeŋ* «неглубокая круглая корзина значительного диаметра» – используется для переноски продуктов на голове.

Понятие «нести» выражается 13 глаголами: *du:l* «нести на голове», *li:* «нести на плече (бревно)», *sba:y* «нести на плече за спиной (мешок)», *pi:* «нести на руках, обхватив», *raek* «нести на коромысле», *bun* «нести на одном конце палки (узелок)» и т. д.

4. Специализированные определения (типа русск. «врассыпную»), которые сочетаются с одним-двумя словами.

Например, *sjeik* «очень» (легкий), *plie* «очень» (быстрый), *bramik* «очень» (черный), *khuoñ* «не открывая рта» (смеяться), *kres* «резко» (встать).

5. Слова, обозначающие меру или степень качества.

Например, *ka:c* «почти полный», *du:ñ* «набитый битком», *kañjaeh* «осторожно толочь».

6. Слова, характеризующие референт в двух (иногда более) аспектах.

Например, *sraguk* «толстый и тяжелый», *kradi:- krada:* «толстый и низенький», *craLo* толстый и высокий.

7. Ономатопы – это очень обширная группа лексики в кхмерском языке.

Например, *cru:c-cru:c* «хруп-хруп» о жевании свежего, жесткого (типа моркови); *gru:p-gru:p* «хруп-хруп» о жевании твердого с полным ртом.

Перечисленные способы номинации наблюдаются также в бирманском, вьетнамском и тайском языках.

Литература

1. Еловков Д.И. *Проблемы лексикологии языков Юго-Восточной Азии*. Докт. дисс. ЛГУ, Л, 1988. С.272-300.
2. Еловков Д.И. *Очерки по лексикологии языков Юго-Восточной Азии*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С.136-145.
3. Лонг Сеам. *Очерки по лексикологии кхмерского языка*. М.: Наука, 1975.

Индоарийский язык куллуи: степень витальности (Индия, штат Химачал-Прадеш)

Язык куллуи (*Kullui*) принадлежит к западной группе языков пахари индоарийской ветви индоевропейской семьи и распространен в штате Химачал-Прадеш на севере Индии (главным образом, в округе Куллу) [Bailey 1908; Grierson 1916; Thakur 1975]. Куллуи не имеет ни статуса официального языка, ни литературной нормы, ни стандартизированной письменности. Носители языка (около 170 700 человек), зная хинди, могут написать текст на куллуи, используя для этого письменность деванагари, но собственной письменной нормы у языка куллуи нет. Он является преимущественно языком устной коммуникации [Ranganatha 1971; Saagaswat 2014; Князева 2013; Крылова, Князева 2014].

Имеющиеся сведения о витальности языка куллуи довольно противоречивы. Согласно современной базе данных по языкам мира «Этнолог» [Ethnologue 2016], данный язык относится к живым языкам, не имеющим стандартизированной формы и активно используемым носителями всех поколений. Согласно Распределительной межгенерационной шкале разрушения Фишмана, EGIDS (Expanded Intergenerational Disruption Scale), куллуи относится к уровню ба (из 10). Это означает, что ситуация с языком довольно устойчивая, и он не подвержен тенденциям вымирания или исчезновения.

Однако в «Атласе языков мира, находящихся под угрозой исчезновения», издаваемом ЮНЕСКО, статус витальности языка куллуи определен иначе – “definitely endangered” (определенно находящийся под угрозой исчезновения) [UNESCO’s Atlas 2016]. Обычно к таким языкам относят языки, на которых уже не говорят представители младшего поколения носителей.

В ходе лингвистической экспедиции в район Куллу штата Химачал-Прадеш [Пахари 2016], осуществленной группой исследователей на базе Института языкознания РАН в ноябре 2014 года при поддержке Фонда Фундаментальных Лингвистических Исследований, удалось оценить социолингвистическую ситуацию и, в частности, степень сохранности языка куллуи в д. Наггар района Куллу штата Химачал-Прадеш. Основываясь на данных социолингвистических анкет и методе «включенного наблюдения» (participant observation) – наблюдения за реальной жизнью информантов в естественной для них среде, удалось выявить следующее.

Во-первых, в Наггаре язык куллуи используется в повседневном общении представителями *всех* поколений. И хотя активность использования, а также степень владения языком куллуи у представителей младшего поколения несколько ниже, чем у носителей более старшего поколения, считать его «находящимся под угрозой исчезновения» нельзя. Некоторая тенденция снижения функционального статуса куллуи как языка повседневного общения наблюдается. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что родители, хотя и говорят со своими детьми на куллуи, по достижении ими школьного возраста ориентируют их на изучение хинди и английского (а не куллуи), считая, что это откроет им достойную дорогу в будущее. Вероятно, по этой же причине общение детей друг с другом на куллуи в школах учителями также не поощряется (даже на переменах).

Во-вторых, даже среди представителей старшего поколения наблюдается некоторая тенденция к сокращению функциональных сфер использования языка. В отдельных областях бытового общения (например, на рынке, в социальных учреждениях, в интернет коммуникации и т.п.) носители предпочитают использовать хинди, а не куллуи. Это, конечно, не значит, что носители не хотят общаться на родном языке. Дело в том, что они хотят быть понятыми в том социальном контексте, в котором оказываются. А поскольку государственная языковая политика связана с укреплением роли хинди в качестве государственного языка, и для носителей разных локальных диалектов он становится основным языком-посредником, в социальных сферах общения носители куллуи предпочитают сразу переходить на хинди. Но как результат – функциональность употребления родного языка в социальной сфере снижается.

Таким образом, на основании собранных данных можно сделать предварительный вывод о том, что куллуи в д. Наггар имеет достаточно высокий уровень витальности: на данном этапе он не подвержен серьезной угрозе исчезновения, однако, наблюдаются определенные тенденции сокращения сферы его употребления как языка повседневного общения, а также уменьшения активности его использования представителями младшего поколения.

Наггар – это лишь часть ареала распространения данного языка, поэтому сделанные выводы можно назвать предварительными и характеризующими, главным образом, данную местность. Более системное описание витальности языка куллуи и в целом социолингвистической ситуации как в д. Наггар, так и во всем ареале распространения языка куллуи еще предстоит осуществить. Для полноты описания необходимо собрать сведения у большего количества информантов о более детальной функциональной дистрибуции языка (учитывая возрастной и гендерный параметр), о языковой компетенции отдельных социальных групп (также с учетом возраст-

ного и гендерного параметра), о языковых контактах, а также изучить проводимую языковую политику в отношении малых языков как на государственном, так и на локальном уровнях. Возможно, новые данные удастся собрать в ходе очередной лингвистической экспедиции (при поддержке РГНФ), запланированной на октябрь 2016 года.

Литература

1. Князева Е.М. Язык куллуи: общие сведения и лакуны в лингвистическом описании // Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Второй конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». М.: Институт языкознания РАН, 2013. С. 149-160.
2. Крылова А.С., Князева Е.М. Некоторые проблемы подготовки тезауруса для документирования языка куллуи (западный пахари) // Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Третьей конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». М.: Институт языкознания РАН, 2014. С. 125-138.
3. Пахари: Индоарийские языки Северной Индии // [сайт] URL: www.pahari-languages.ru. Дата обращения 6.09.2016.
4. Цоллер К.П. Языки пахари // Языки мира: Новые индоарийские языки РАН. Институт языкознания. Ред. Колл. Т.И. Оранская, Ю.В. Мазурова, А.А. Кибрик, Л.И. Куликов, А.Ю. Русаков. М.: Academia, 2011.
5. Bailey T.G. The Languages of the northern Himalayas, being studied in the grammar of twenty-six Himalayan dialects. Royal Asiatic Society. London, 1908.
6. Ethnologue: Languages of the World // [сайт] URL: www.ethnologue.com. Дата обращения 6.09.2016.
7. Grierson G.A. Linguistic Survey of India. Vol.IX. Part IV. Calcutta, 1916.
8. People's Linguistic Survey of India // [сайт] URL: www.peopleslinguisticsurvey.org. Дата обращения 6.09.2016.
9. Thakur M. Pahari bhasha kului ke vishesh sandarbh men. Dehli, 1975. (Язык пахари с приложением описания куллуи)
10. Ranganatha M.R. Survey of Mandeali and Kului in Himachal Pradesh. Sensus of India. 1971. Language monograph №7. Delhi, 1981.

11. Saaraswat D. Encyclopedia of Kuluout (Kullu). New Delhi, 2014.

12. UNESCO's Atlas of the World's Languages in Danger // [сайт] URL: www.unesco.org/languages-atlas/index.php . Дата обращения 6.09.2016.

Светлана Геннадьевна Крамарова
СПбГУ (Санкт-Петербург)

Средства оформления определенности существительного в балийском языке

1. Определенность/неопределенность является одной из универсальных понятийных категорий существительного. Определенность можно охарактеризовать как отождествление референта данного имени – ситуативной, контекстной или общеизвестной. Неопределенность же можно охарактеризовать как отсутствие такого отождествления [Мельчук 1998, с. 141].

2. В балийском языке определенность факультативно оформляется морфологически – с помощью суффикса. Неопределенность в балийском языке морфологически не маркируется. Немаркированное существительное может быть как определенным, так и неопределенным. Помимо морфологического показателя определенность может выражаться также лексически – с помощью указательных местоимений.

3. Суффикс определенности в балийском языке имеет два алломорфа. Если существительное заканчивается на гласную, то он имеет форму *-ne*; если заканчивается на согласную, то имеет форму *-e*. Алломорф *-ne* совпадает с клитикой притяжательного местоимения 3 лица.

4. Суффикс определенности *-(n)e* оформляет одиночное существительное (1) или группу существительного (существительное + существительное (в том числе имя собственное), существительное + прилагательное, существительное + личное местоимение или посессивная клитика (2)) и формально относится к последнему слову в этой группе. Также суффикс определенности может оформлять личное местоимение (3).

5. Указательные местоимения (например, *punika* (высокий стиль), *ento* (низкий стиль) 'тот') оформляют существительное/группу существительного и находятся в постпозиции к ним (4).

6. Суффикс определенности может сочетаться с указательным местоимением, которое занимает крайнюю правую позицию. В этом случае указательное местоимение сохраняет свое лексическое значение (5).

- (1) Kenken mirib *gumi-ne* di Alaska jani?
Какой возможно земля-DEF в Аляска сейчас
'Какая сейчас может быть Аляска?'
- (2) *Sirah ipun-e sampun gumasa kadi pengeng.*
Голова он-DEF уже чувствовать как кружиться
'Голова у него как будто кружилась.'
- (3) Eh, gaenang *iang-e* a-gelas...
INTER делать.для я-DEF один-стакан
'Эх, не хочешь ли ты сделать мне бокал...'
- (4) ... kaden-a *konyong ento* buta...
Ø-предполагать-3.Ag щенок тот слепой
'... он подумал, что этот щенок слепой ...'
- (5) *Asu-ne ento melah pesan gobe-ne*
собака-DEF тот хороший очень вид-3.POSS
'Эта собака была очень красивой.'

Сокращения

3.Ag – агенс 3 лица

3.POSS – посессивная клитика 3 лица

Ø – нулевой префикс переходного глагола

DEF – суффикс определенности

Литература

1. Мельчук И.А. 1998. Курс общей морфологии Том II. Москва – Вена; «Языки русской культуры», 1998. 543 с
2. Ketut Artawa, Putu Artini and Barry J. Blake. Balinese Grammar and Discourse <http://www.ibrarian.net>

Классификация языков мунда по данным лексикостатистики

Работа основана на ранее неизвестных полевых материалах, собранных в феврале 2016 года в ходе экспедиции в штат Орисса¹.

Языки мунда – древнейший языковой пласт Южной Азии. Они принадлежат к австроазиатским языкам и составляют их самую западную ветвь. Языки мунда распространены главным образом на востоке центральной и северной Индии, а также на территории Бангладеш, Непала и Бутана. Предположительно, носители протомунда мигрировали на полуостров Индостан с востока, позже полуостров был заселён носителями дравидийских и индоарийских языков, и языки мунда были вытеснены со значительной части своего ареала. Число языков мунда – около 20 идиомов.

Исследователи не сходятся во мнении относительно генеалогической классификации языков мунда. Разные варианты классификации на разных основаниях предлагали Н. Зайд, Ж. Диффлот, С. Бхаттачарья, Г. Андерсон и И. Пейрос [Zide and Zide 1976, Diffloth 1986, Diffloth and Zide 1992, Bhattacharya 1975, Anderson 2001, Пейрос 2004]. Классификация И. Пейроса основана на данных лексикостатистики, полученных при помощи обработки в программе Starling стословных списков Сводеша от восьми языков мунда: сантали, мундари, кхария, джуанг, сора, паренги, бонда и корку. Однако в последние годы неоднократно говорилось о важности проверки исходных данных для получения точных результатов лексикостатистики. Иными словами, следует тщательно подходить к сбору стословных и двухсотсловных списков.

Попытка разработать списки контекстов для анкеты на стословный список была сделана в статье [Kassian, Starostin, Dybo, Chernov 2010]. Контексты для оставшейся части двухсотсловного списка разработала А.В. Дыбо в январе 2016 года, после чего анкеты были успешно апробированы в экспедиции в Ориссу. Автором были собраны двухсотсловные списки Сводеша от носителей четырёх языков мунда. Список языка сора собирался от четырёх носителей, хо – от двух носителей, бонда и мундари – от одного носителя каждый. Списки собирались с учётом особенностей словоупотребления в разных контекстах, в качестве языка-посредника использовались английский, хинди и, по возможности, ория.

¹ Экспедиция осуществлялась при финансовой поддержке Фонда развития фундаментальных лингвистических исследований проект А-47-2015 «Ареальное изучение просодических систем и особенностей глагольных категорий в южной группе языков мунда», рук. И.В. Самарина.

Этимологические идентификации были проведены на основании работ [Пейрос 2004, Burrow and Emenau 1984, Pinnow 1959, Zide 1982, Turner 1962-1985, Bhattacharya 1966, Donegan and Stampe 2004]. Дерево построено стандартным способом в программе Starling.

Следует отметить, что полученные результаты в целом выглядят правдоподобно и подтверждают точку зрения И. Пейроса. Распад протомунда на северную и южную группы относится к началу второго тысячелетия до нашей эры. Чуть позже происходит разделение бонда и сора, а мундари и хо (не представленный у И. Пейроса язык группы кхервари) разделяются во второй половине первого тысячелетия нашей эры.

Литература

1. Пейрос, И.И. Генетическая классификация австроазиатских языков : автореферат дис. на соискание учёной степени доктора филол. наук : 10.02.20 / Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ). Москва, 2004.
2. Anderson, G. A new classification of South Munda: Evidence from comparative verb morphology. // *Indian linguistics*, 62, Linguistic Society of India, 2001. pp. 27–42.
3. Bhattacharya, S. Some Munda etymologies. // Norman H. Zide (ed.). *Studies in Comparative Austroasiatic Linguistics*. The Hague: Mouton, 1966. pp. 28-40
4. Bhattacharya, S. A new classification of Munda // *Indo-Iranian Journal* 17, 1975. pp. 97-101
5. Burrow T. and Emenau, M. *A Dravidian Etymological Dictionary*, Oxford and New York: Oxford University Press, 2nd ed. 1984.
6. Diffloth, G. *Austro-Asiatic Languages*. *Encyclopaedia Britannica* (16th edn.) Macropaedia. 1986.
7. Diffloth, G. and Zide, N. 'Austro-Asiatic languages'. *International Encyclopedia of Linguistics*. Bright, W., (ed.): New York: Oxford University Press, 1992. Vol. 1:137-42.
8. Donegan, P. and Stampe, D. *Comparative Munda (mostly North)*, rough draft ed. Stampe, based on Heinz-Jürgen Pinnow's *Versuch einer historischen Lautlehre der Kharia-Sprache* (Wiesbaden: Harrassowitz, 1959) and Ram Dayal Munda's *Proto-Kherwarian Phonology*, unpublished MA thesis, University of Chicago, 1968.
<http://www.ling.hawaii.edu/austroasiatic/AA/Munda/ETYM/Pinnow&Munda>

9. Kassian, A. Starostin, G. Dybo, A., Chernov, V. The Swadesh wordlist. An attempt at semantic specification // Journal of Language Relationships, 4, 2010. pp. 46-89.
10. Pinnow, H. 1959. Versuch einer historischen Lautlehre der Kharia-Sprache. Wiesbaden: Harrassowitz, 1959.
11. Turner, R. A Comparative Dictionary of Indo-Aryan Languages, London: Oxford University Press, 1962-66, with 3 supplements 1969-85.
12. Zide, A. 1982. A reconstruction of Sora-Juray-Gorum phonology. Ph.D. thesis, University of Chicago, 1982.
13. Zide, N. and Zide, A. 1976. Proto-Munda cultural vocabulary: Evidence for early agriculture // Philip N. Jenner, Laurence C. Thompson, and Stanley Starosta (eds.). Austroasiatic Studies, Volume II. Honolulu: University of Hawaii (Oceanic Linguistics, Special Publication, No. 13). Part II: pp. 295-334.

Юлия Викторовна Мазурова
Институт языкознания РАН (Москва)

Опыт полевого исследования идиома западной группы пахари (Северная Индия)¹

Понятие «языки пахари» включает в себя континуум диалектов, географически распространенных к югу от Гималаев на территории Индии (штаты Химачал-Прадеш, Джамму и Кашмир, Уттаракханд) и Непала. По географическому принципу эти языки подразделяют на три основные группы: западная, центральная и восточная (с лингвистической точки зрения классификация этих языков сложнее, см. [Цоллер 2011b]). Число носителей только западной группы составляет более 6 млн человек, она включает в себя по разным оценкам от 30 до 60 идиомов, однако ни один из них не имеет статуса литературного языка [Masica 1991; Цоллер 2011b]. Эти языки не имеют стандартизированной письменности, не преподаются в школе, но активно используются для устного бытового общения и передачи фольклорной традиции.

Языки западной группы пахари за пределами Индии изучены довольно слабо. Даже в основных обобщающих трудах по новым индоарийским языкам пахари лишь в нескольких случаях упоминаются в связи

¹ Создание словаря и грамматического описания языка куллуи поддержано грантом РГНФ № 16-34-01040 (a2), рук. Е.М. Князева.

с отдельными грамматическими явлениями [Masica 1991, Cardona&Jain 2007]. Грамматические описания отдельных языков пахари являются редкостью, см. например, немногие примеры [Eaton 2008; Hendriksen 1986; Цоллер 2011a; Ranganatha 1979; Thakur 1980].

В 2014 году нами была организована лингвистическая экспедиция² в район Куллу, штат Химачал-Прадеш (Индия) для изучения языка куллуи, на котором, согласно переписи Индии 2001 г., говорят около 170 тыс. человек. Материалы экспедиции – тексты, словарь, некоторые заметки о грамматике – опубликованы в интернете на сайте www.pahari-languages.ru.

Доклад будет посвящён результатам, полученным в экспедиции 2014 года, а также рассказу о новой экспедиции, запланированной на 3–24 октября 2016 года. Будут затронуты типологически интересные вопросы грамматики куллуи: падежная система, разряды местоимений, эргативное и номинативное согласование, порядок слов.

Литература

1. Пахари: Индоарийские языки Северной Индии. URL: www.pahari-languages.ru
2. Цоллер 2011a. Бангани язык // Языки мира: Новые индоарийские языки / РАН. Институт языкознания. Под ред. Т.И. Оранской, Ю.В. Мазуровой, А.А. Кибрика, Л.И. Куликова, А.Ю. Русакова. – М.: Academia, 2011.
3. Цоллер 2011b. Пахари языки // Языки мира: Новые индоарийские языки / РАН. Институт языкознания. Под ред. Т.И. Оранской, Ю.В. Мазуровой, А.А. Кибрика, Л.И. Куликова, А.Ю. Русакова. – М.: Academia, 2011.
4. Eaton R. Kangri in Context: An Areal Perspective. PhD, The University of Texas at Arlington, 2008.
5. Masica C.P. The Indo-Aryan Languages. Cambridge, 1991.
6. Ranganatha, M.R. Survey of Mandeali and Kului in Himachal Pradesh. Sensus of India. 1971. Language monograph No.7. Delhi, 1981.
7. Thakur M. R. Pahari bhasha kului ke vishesh sandarbh men. Dehli, 1975. {Язык пахари с приложением описания куллуи}.
8. The Indo-Aryan Languages / Cardona G., Jain D. (eds.) London; New York, 2007.

² Полевое исследование было поддержано грантом ФФЛИ 2014/2015 «Документирование языка куллуи (западный пахари)», рук. Ю.В. Мазурова.

Борис Валерьевич Орехов
Александра Сергеевна Ершова
Григорий Александрович Игнатьев
Даниил Михайлович Коломейцев
Анна Андреевна Кузнецова
Николай Алексеевич Микулин
Татьяна Александровна Шалганова
НИУ ВШЭ (Москва)

Разработка корпуса тайского языка

Задача

Создание корпуса современных текстов на тайском языке, отвечающего следующим требованиям:

- большой объем корпуса;
- удобство пользования для исследователей, не являющихся носителями тайского языка;
- современная грамматическая разметка текстов корпуса;
- широкие возможности поиска.

Тексты

Тексты, содержащие всего 50 млн токенов, были скачаны с разнообразных тайских вебсайтов. Большую часть из них составляли сайты, посвященные новостям, небольшое количество текстов также представляют собой тайский фольклор. (Текстов было собрано значительно больше: 200 млн, но поисковой механизм способен за приемлемое время обработать только 50 млн.) Для сбора текстов из интернета мы воспользовались (Scrapy).

Разметка

Токенизация была осуществлена при помощи модуля (pythai), а частеречная разметка была основана на материалах двух англо-тайских словарей: (online thai dictionary) and (thai dictionary 2). Каждому токеноу в текстах был присвоен тег, обозначающий его часть речи. Этот подход позволил также снабдить каждое слово его переводом на английский язык, что значительно упрощает работу исследователям, не владеющим тайским языком.

Поиск

Одним из важнейших достоинств данного корпуса является поисковая система. В корпусе используется поисковая технология Восточно-армянского национального корпуса (EANC), применяемая также во многих

других корпусах, созданных после EANC. Пользователь может осуществлять поиск не только по искомым токенам, но и по их переводам, а также по грамматическим категориям.

Тайский корпус представляет собой ценный ресурс для исследователей современного письменного тайского языка. Благодаря своему объему и ориентации на использование не носителями тайского языка, он может стать полезным инструментом в типологических исследованиях, ровно как и предоставить большой объем материалов для лексических, синтаксических и других работ по современному тайскому.

Корпус доступен по адресу: <http://web-corpora.net/ThaiCorpus/search/>

Все материалы и скрипты, использованные в проекте, доступны на github: <https://github.com/nevmenandr/thai-language>

Источники

1. (EANC) — электронный ресурс: <http://eanc.net/>
2. (Online thai dictionary) — электронный ресурс: <http://www.thai-language.com/>
3. (pythai) — электронный ресурс: <https://pypi.python.org/pypi/pythai>
4. (Scrapy) — электронный ресурс: <http://scrapy.org/>
5. (Thai dictionary 2) — электронный ресурс: <https://github.com/veer66/Yaitron/tree/master/data>

Тамара Григорьевна Погибенко
ИБ РАН (Москва)

Вид и время в языке ма: аспекты факультативности

1. Данное сообщение посвящено описанию выражения видо-временных значений в языке ма – одном из языков малых народностей Вьетнама, входящем в южнобахнарическую подгруппу бахнарической группы мон-кхмерской ветви австроазиатской семьи языков. Представители народности ма проживают на юге Вьетнама в провинциях Ламдонг, Даклак и Донгнай, их численность – 25 тыс. Материалы по языку ма были собраны в советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1981 года. Корпус материалов насчитывает 1366 предложений.

В языке ма вид и время являются наиболее развитыми грамматическими категориями. Это имеет место и в других изолирующих языках Восточной и Юго-восточной Азии, о чем писал В.М. Солнцев [Солнцев 1995, с.236].

Хорошо известно, что грамматические категории в изолирующих языках имеют две важные особенности функционирования – актуализирующую функцию и свойство факультативности. Обычно считается, что актуализация и факультативность связаны таким образом, что, если, например, в высказывании есть иные средства локализации ситуации во времени и/или по отношению к другим ситуациям, то видовременные показатели становятся факультативными [Коротков 1968, 352]. В.М. Солнцев по этому поводу пишет: «Факультативность показателей проявляется в том, что при определенных условиях слово без показателя может быть употреблено вместо слова с соответствующим показателем *без видимого изменения смысла*» (выделено нами, – Т. Погибенко) [Солнцев 1995, 241].

2. В данном сообщении высказывается мнение, что причиной факультативности видовременных показателей не является фактор избыточности и что факультативность показателей регулируется не на семантическом уровне, а на коммуникативном. Это можно проиллюстрировать на примере следующих двух предложений на языке ма.

- (1) *bə̀ tòm bri lè̀ tù̀ bər̀ kòn ə̀sè̀*
из в лес PRF бежать два CLF лошадь
'Из леса выбежало две лошади' (ПРП 113)
- (2) *bər̀ kòn ə̀sè̀ bə̀ tòm bri [lè̀] gə̀ du*
два CLF лошадь из в лес PRF 3SG IMP; INACT бежать
'Две лошади выбежали из леса' (ПРП 114)

Во втором предложении изменяется коммуникативная структура: происходит сдвиг ремы на локативную ИГ, что манифестируется изменением порядка слов. Дерематизация сказуемого влечет за собой факультативность показателя совершенности *lè̀*.

3. Еще одна особенность видовременных показателей в языке ма – их происхождение от полнозначных глаголов. Это порождает целый ряд функциональных особенностей: неполная грамматикализация показателей, которая влечет за собой ограничения, накладываемые на их сочетаемость с другими компонентами предложения; синонимия показателей, как например, в случае показателей длительности *vm* 'находиться; DUR' и *gam* 'оставаться; DUR'; и специфическая полифункциональность показателей.

Например, употребление показателя длительности *gam* в семантической зоне хабитуальности может быть связано не с описанием линейного аспекта ситуации, не с характером протекания ситуации во времени, а с актуализацией других составляющих высказывания. Такая полифункциональность показателя *gam* объясняется семантикой исходного полнозначного глагола *gam* 'оставаться'. В составе высказывания компонент его значения, который подвергся грамматикализации, – «не переставать быть (каким-то)», мог иметь сферой действия разные компоненты высказывания: сказуемое, его аргументы и даже модификаторы аргументов.

4. Актуализирующая функция видовременных показателей в языке ма хорошо коррелирует с актуализирующей функцией классификаторов. Например, употребление показателя длительности *gam* может быть связано с актуализацией именных составляющих высказывания. Есть примеры, где употребление/неупотребление показателя длительности *gam* находится в одно однозначном соответствии с употреблением/неупотреблением актуализатора «один+классификатор» при именной группе.

5. Показатель совершенности *lè̀* может приобретать разные значения во взаимодействии с лексической семантикой глагола, его семантическим типом – состояния, предельные процессы, непредельные процессы, события. С глаголами состояния (*видеть*) он выражает прошедшее время; при глаголах с событийной семантикой (*заставлять, взлетать*) – совершенность; при глаголах непредельного действия (*хвалить*) – совершенность, но при этом он не употребляется в предложениях с отрицательной полярностью; при глаголах предельного действия и процесса накопления свойства (*ломать, рваться*) – значение достижения результата, нового состояния, нового положения дел.

Употребляясь с глаголами, обозначающими состояния, показатель совершенности может изменять их таксономическую категорию, переводя в класс глаголов действий или достижений. Это можно наблюдать в примере СКД 22, 'Старики сели на первые стулья', где 'сесть на стул' на языке ма переводится как *lè̀ nguɔj geʔ* букв. 'PRF – сидеть – стул'.

5. Наличие–отсутствие показателя совершенности *lè̀* зависит от многих факторов. Несомненно, самым существенным фактором влияния является коммуникативная структура предложения. Показатель совершенности обязателен в предложениях со сдвигом ремы на утвердительный статус пропозиции.

- (3) *aŋ lè̀ lə̀ sɔ̀ gə̀p*
1sg PRF четкий видеть 3sg
'Я его видел', вьет. 'Tôi trông thấy nó rồi' (ПРП 55)

Показатель также обязателен там, где в реме выступает числовая дескрипция, например, в ПРП 115, где в ИГ «три птицы» актуализация осуществляется при помощи классификатора, а при глаголе – при помощи показателя совершенности *lè*, несмотря на то, что во вьетнамском предложении показатель *đã* отсутствует.

- (4) *ap lè gè pe nəm kɔ̀n sìm <...>*
 1sg PRF иметь три CLF CLF птица
 ‘У меня было три птицы <...>’, вьет. ‘Tôì só ba con chim <...>’ (ПРП 115)

При глаголах предельного действия и процесса накопления свойства показатель совершенности может быть факультативным, если компонент «достижение результата» перестает быть в фокусе. Такое, например, происходит, когда есть другой компонент, претендующий на этот статус, например, ИГ причины. В следующем предложении с вынесенным в начало пациенсом фокус смещен на агенса, поэтому показатель совершенности *lè* факультативен, с чем коррелирует факультативность другого актуализатора – классификатора в объектной ИГ:

- (5) *jo? [nəm] tap đv bal iər bə*
 все CLF яйцо этот вместе курица от; POS
bəl ap <[lè]> dè
 PL+ 1SG = 1 PL PRF нести яйца
 ‘Все эти яйца снесли наши куры’ (СКД 96)

Модификаторы, выступающие в глагольной группе, также имеют свойство перетягивать фокус на себя, и в этих случаях показатель совершенности также не употребляется.

- (6) *ɲəj hɔ̀n haw rìs ɲan*
 кукуруза расти подниматься высокий очень
 ‘Кукуруза выросла очень высокая’ (СКД 43)

Однако на модификаторы количественной характеристики действия это может не распространяться.

- (7) *kɔ̀n dit lè đv? đə?*
 ребенок+ маленький=мальчик PRF несколько раз
haw chi gè sìn
 влезать дерево чтобы видеть
 ‘Мальчик несколько раз влезал на дерево, чтобы осмотреться’ (СКД 7)

Важно подчеркнуть, что наличие темпоративов, указывающих на конкретное время совершения действия, как и в других МК языках, само

по себе не имплицитно факультативности показателя, такая зависимость возникает только в случае коммуникативно выделенного обстоятельства времени.

- (8) *ɲaj bɔ̀r ap lè məl [mə] bì pìs*
 день вчера 1SG PRF одалживать COMIT ст. брат; 2SG нож
 ‘Вчера я взял у вас нож’ (ПРП 61)

В отличие от ИГ причины, которая перетягивает на себя фокус, агентивное дополнение в пассивном предложении такого свойства, как правило, не имеет. Поэтому компонент «достижение результата» остается в фокусе и показатель совершенности в пассивных предложениях, как правило, не факультативен. Хотя агентивное дополнение и дополнение причины на семантическом уровне близки по смыслу, на коммуникативном уровне в пассивном предложении статус агентивного дополнения низкий, о чем говорится в [Плунгян 2000, 199].

Еще один фактор, имплицитно факультативности показателя совершенности, находим в сложных предложениях с координативными частями. В симметричных координативных клаузах показатель совершенности *lè*, как правило, опускается. В таких случаях вершинные предикаты симметричных клауз просто противопоставляют одно действие другому, они приобретают родовой статус и в актуализаторах не нуждаются.

Сокращения и условные обозначения

CLF	классификатор	POS	принадлежность
COMIT	комитатив	PRF	перфектив
DUR	длительный (вид)	SG	единственное число
IMPS	безличное (местоимение)	вьет.	вьетнамский язык
INACT	инактив	ИГ	именная группа
PL	множественное число	ст.	старший
[...]	факультативный элемент		
<...>	1. элемент, опущенный при аудиозаписи; 2. часть предложения, опущенная в примере		
+	маркирует границу компонентов комплексной номинации		
=	вводит перевод комплексной номинации		

Литература

1. Коротков Н.Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка. М.: Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1968.

2. Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
3. Солнцев В.М. Введение в теорию изолирующих языков. М.: «Восточная литература» РАН, 1995.

Евгения Алексеевна Ренковская
РГГУ (Москва)

Императив в языке куллуи

Данная работа посвящена категории императива в языке куллуи¹ и основана на полевых материалах, собранных во время лингвистической экспедиции в д. Наггар (штат Химачал Прадеш, Индия) в ноябре-декабре 2014 года².

Язык куллуи на данный момент исследован крайне недостаточно. Из всех имеющихся грамматических описаний куллуи [Diack 1896, Bailey 1908, Grierson 1916, Thakur 1975, Ranganatha 1981, Sharma 2014] категория императива кратко упоминается только в [Bailey 1908, Grierson 1916, Ranganatha 1981], а прохибитивные конструкции не упоминаются ни в одной из работ.

В куллуи императив представлен четырьмя формами: нейтральный императив, императив будущего времени, прохибитив и превентив. В данной работе мы будем рассматривать только формы второго лица. Все перечисленные формы представлены в двух числовых формах – формах единственного и множественного числа, формы множественного числа употребляются также в качестве вежливого обращения к единственному слушателю. Особые формы вежливого императива, характерные для многих индийских языков, в куллуи отсутствуют. Форма нейтрального императива в единственном числе совпадает с основой глагола, а во множественном имеет два варианта с окончаниями *-a* и *-(a)t*. Насколько можно судить по имеющемуся материалу, оба варианта синонимичны. В частности это подтверждается сочинительными императивными конструк-

1 Язык куллуи относится к северной подгруппе индоарийских языков, западной группе языков пахари. Ареал распространения – округ Куллу, Химачал-Прадеш, Индия.

2 Экспедиция проводилась при финансовой поддержке Фонда фундаментальных лингвистических исследований в рамках проекта А-12 «Документирование языка куллуи (западный пахари)» (2014-2015 гг.).

циями, в которых компоненты могут быть употреблены с двумя разными вариантами окончаний, ср.:

- (1) jā-t   hor   her-a
пойти- Imp.Pl   и   смотреть-Imp.Pl
Пойдите и посмотрите

Форма императива будущего времени в единственном числе имеет окончание *-i*, во множественном – *-it*. Такой императив употребляется тогда, когда нужно подчеркнуть увеличенную временную дистанцию между самим повелением и его исполнением. В частности, императив будущего времени в куллуи обязательно употребляется в полипредикативных конструкциях с временными или условными придаточными. Описание, приведенное в [Ranganatha 1981], в котором форма императива будущего времени единственного числа определяется как форма императива женского рода, полностью опровергается полевыми материалами. Также не подтверждается гипотеза Бейли [Bailey 1908] о том, что окончание *-ēit* маркирует вежливую форму императива.

- (3) agar   to-be   patā   lag-la   ta
если   ты-Acc/Dat   известие   приложиться-Fut.M   то
mūbe   bhī   des-i
я.Acc/Dat   тоже   сказать-ImpFut
Если тебе станет известно, то мне тоже скажи

Отрицательные формы императива в куллуи очень интересны с типологической точки зрения. Изначально они образовывались при помощи прибавления к положительной форме императива прохибитивной частицы *mət*, такие конструкции периодически фиксируются и по сей день, ср.:

- (4) ebe   εi-r-ε   ghor-a   bε   mət   jā
сейчас он.Obl-Gen-Obl   дом-Obl   Acc/Dat   NegImp.Sg   идти.Imp
Не ходи сейчас к нему домой

Однако в современном куллуи эти формы вытесняются другими прохибитивными конструкциями, которые:

- представляют собой сочетания прохибитивной частицы и имперфектного причастия, согласуемого с субъектом в роде и числе;

- образуются при помощи прохибитивных частиц *mət* и *heri*. При этом прежде неизменяемая частица *mət*, родственная скр. *mā* и хинди *mat*, в куллуи получила переосмысление как императивная форма от несуществующего запретительного глагола ***mōna* и реализуется в пяти формах: *mət* (Imp 2Sg) / *mōta=mōtat* (Imp 2Pl) / *mōti* (ImpFut 2Sg) / *mōtit* (ImpFut 2Pl), представляя все возможные случаи императивных форм.

При этом частицы *mət* и *məta=mətət* употребляются в собственно прохибитивных конструкциях, а, соответственно, *məti* и *mətit* – в превентивных. Кроме того, есть отдельная превентивная конструкция с частицей *heri*. Частица *heri* интересна тем, что она образована путем грамматикализации формы императива будущего времени от глагола *hernā* ‘смотреть’³ и также согласуется с субъектом по числу – *heri* (2Sg) / *herit* (2Pl). Ср.:

- (5) bhāu ron-d-ā mət
малыш плакать-IpfvPtcp-M.Sg NegImp.Sg
Малыш, не плачь
- (6) mu pitse məta en-d-ε
я.Obl позади NegImp.Pl прийти-IpfvPtcp-Pl
Не идите за мной
- (7) bən-a bε kele məti jān-d-ā
лес-Obl Acc/Dat в одиночку NegImpFut.Sg ходить- IpfvPtcp-M.Sg
Не ходи в лес один
- (8) ei sahi kadī heri ker-d-ā
он.OBL Compar когда NegImpFut.Sg делать- IpfvPtcp-M.Sg
Никогда не делай, как он

Таким образом, можно с большой вероятностью восстановить последовательность морфологических изменений, произошедших с прохибитивными конструкциями. Вероятнее всего, конструкция с *heri* образовалась как отдельная специфическая превентивная конструкция. А дальше по аналогии с ней модифицировались и другие формы отрицательного императива, в которых императивная форма основного глагола заменилась на имперфектное причастие и произошло переосмысление частицы *mət* в императивную форму от ***mətnā* с последующим развитием всех возможных императивных форм.

Глоссы

3 – 3 лицо, Acc/Dat – аккузативно-дательный послелог, Comit – комитативный послелог, Compar – сравнительный послелог, Dat – дательный послелог, F – женский род, Fut – будущее время, Gen – генитивная форма, Imp – императив, ImpFut – императив будущего времени, Inf – инфинитив, IpfvPtcp – превентивная частица, Obl – косвенный падеж, Sg – единственное число.

³ Образование прохибитивных конструкций с участием глаголов восприятия, в частности зрения, отмечается во многих типологических исследованиях. Согласно [Гусев, 2005] «глагол ‘смотреть’ является одним из наиболее типичных источников превентивных показателей». Ср. также междометие *her* в непали со значением ‘эй’, ‘берегись’, развившееся из формы императива от глагола *hernu* ‘смотреть’.

Литература

1. Diack A.H. The Kulu Dialect of Hindi: Some notes of its Grammatical Structure, with Specimens of the Songs current amongst People, and Glossary. Lahore, 1896
2. Bailey, T.G. The Languages of the northern Himalayas, being studies in the grammar of twenty-six Himalayan dialects. London, 1908
3. Grierson G.A. Kulu Group // Linguistic Survey of India. Vol.IX. Part IV. Calcutta, 1916.
- Ranganatha, M. R. Survey of Mandeali and Kului in Himachal Pradesh. Census of India, 1971. Language monograph No.7. Delhi, 1981
4. Maulu Ram Thakur, Pahari bhasha kului ke vishesh sandarbh men. Delhi, 1975.
- Dayanand Sharma (Saraswat). Kuluti-Hindi vyakaran. Ek tulnatmak adhyayan. New Delhi, 2014.

Наталья Юрьевна Симоненко
ВГСПУ (Волгоград)

Обобщение опыта изучения повествовательных текстов отечественными востоковедами XX-XXI вв. с позиций нарратологии¹

Интерес к нарративным исследованиям связан с осознанием важности повествований в человеческой жизни, их ключевой роли в осмыслении действительности средствами языка. Под нарративом мы, вслед за В. Шмидом, понимаем «повествовательное произведение любого жанра и любой функциональности» [В. Шмид, 2008, с. 9]. Цель данной статьи – осмыслить лингвистический и литературоведческий опыт изучения повествовательных текстов отечественными востоковедами XX-XXI вв. с позиций нарратологии, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации.

Чаще всего [Женетт, 1998; Jahn, 2005; Леонтович, 2011; Симоненко, 2015] нарративный анализ проводится по следующим параметрам: нарратор, время, пространство, персонажи, события, основные сюжеты, тематика, жанровая специфика песен, бинарные оппозиции, фоновые знания, ин-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-04-00500

тертекстуальные связи. Обособленно эти параметры нарративного анализа часто встречаются в исследованиях отечественных китаеведов XX-XXI вв., что позволяет использовать эти работы при нарративном анализе китайских текстов. Большинство этих работ посвящено жанрам повествовательных произведений. В них характеризуются китайские литературные жанры в целом (М.Е. Кравцова, С.В. Дмитриев), жанры повествовательных сказов *цуй-и* (曲艺) (Н.А. Спешнев, Б.Л. Рифтин, Э.С. Стулова), художественные «неофициальные» жизнеописания *чжуань* (转) (К.И. Голыгина, Д.Н. Воскресенский), личные исторические записки *би-цзи* (笔记) (И.А. Алимов, О.Л. Фишман), историзованные мифы (Б.Л. Рифтин), народные исторические романы *пин-хуа* (平话/ 评话) (Л.Н. Меньшиков, Л.К. Павловская), драгоценные свитки *бао-цзюань* (宝卷) (Р.В. Берёзкин, Э.С. Стулова), прозаико-поэтические произведения *бянь-вэнь* (变文) (Л.Н. Меньшиков) и мн. др. Исследователи жанров китайских нарративов характеризуют и их тематику, отмечая, что жанр китайского нарративного произведения часто определяет круг тем, который в нём может быть затронут.

Многие работы посвящены исследованию композиционных особенностей китайских нарративных текстов (В.С. Манухин, Р.В. Берёзкин), приёмам выстраивания сюжета и их динамике в зависимости от исторического времени и места исполнения или опубликования (В.Ф. Сорокин, Р.В. Берёзкин). Некоторые справочники характеризуют персонажей классической китайской прозы и её структурные особенности (В.Ф. Сорокин). Современные исследователи изучают китайские кинонарративы (О.А. Леонтович), документальную прозу (А.Н. Коробова), видеарт (В.Г. Марченкова), песенные нарративы (Н.Ю. Симоненко) и др.

Приведённые работы позволяют создать базу для последующего исследования древних и современных китайских нарративов как неотъемлемой части китайской культуры. Дальнейший анализ китайских нарративных текстов позволит выявить закономерности их построения, динамику жанров, тем и персонажей и, следовательно, их самобытность и национально-культурную специфику.

Литература

1. Шмид В. Нарратология. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2008. 304 с.
2. Женетт, Ж. Фигуры. 2 т. М: Изд. им. Сабашниковых, 1998. 944 с.
3. Леонтович, О. А. Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011. 224 с.

4. Симоненко Н.Ю. Нарративная песня в китайской лингвокультуре. Автореф-т дисс. ... канд. филол. н. Волгоград: Перемена, 2015. 22 с.
5. Jahn, M. Narratology: A Guide to the Theory of Narrative. University of Cologne, 2005.

Анна Александровна Смирнитская
ИВ РАН (Москва).

Контрастивный лексико-типологический анализ тамилских и английских терминов бокового родства

Среди объектов исследования такого раздела лексикологии, как лексическая типология, большое значение имеют кросс-лингвистические исследования категоризации понятий в рамках какой-либо лексико-семантической области [8]. При этом преимуществом типологического подхода является принципиальная возможность сопоставления конкретно-языковой лексики разных языков, несмотря на потенциальные различия, в том числе, в объеме понятия, в возможных коннотациях и в потенциале семантической мотивации данного значения [там же].

С помощью лексико-типологических методов мы можем устанавливать сходства в концептуализации тех или иных лексико-семантических областей и в то же время их различия, что может быть полезно для потребностей перевода.

Так, в рамках Московской лексико-типологической школы в последние годы были предприняты исследования нескольких лексических областей, таких как «движение в воде» [5], «предикаты боли» [2] и др. В близком направлении Марией Копчевской-Тамм в Швеции было предпринято исследование лексико-семантического поля «температура» на материале более чем 50 языков мира [9]. Схожую проблематику с использованием визуальных стимулов для работы с информантами – носителями разных языков – разрабатывают сотрудники коллектива “Language and Cognition” в Институте Макса Планка в Нидерландах ([10] и др.).

Для описания значений разных семантических полей необходимы разные исходные данные. Так, для описания предикатной лексики необходимо понимать ситуацию, в которой происходит данное действие. Например, при работе над семантическим полем «Aquamation» исследователи проводили работу с информантами, ориентируясь на опросник, описывающий возможные ситуации и выделяющий потенциальные параметры, релевантные для данной ситуации в данном языке [5]. В то же время предметную лексику невозможно описать без понимания денотативной органи-

зации данного семантического поля, то есть без понимания соотношения сущностей, стоящих за данными понятиями [6]. Для семантического поля «термины родства» это означает понимание тамильской системы терминов родства.

С антропологической точки зрения тамильская система терминов родства относится к бифуркативным системам терминов родства [3, 11]. В данной работе мы рассматриваем подсистему боковых терминов родства и проводим контрастивный анализ этих терминов в тамильском и английском языках, продолжая более общее исследование [7]. К терминам «бокового родства» относятся значения, которые мы будем описывать с помощью «ярлыков» **uncle**, **aunt** и **cousin**. Описание значения с помощью английского «ярлыка» было выбрано нами как обычная практика, принятая в методологии используемого нами теоретического подхода – теории семантических переходов [1, 4, 12].

Теория семантических переходов, разрабатываемая группой исследователей под руководством Анны А. Зализняк [12], ставит своей целью выявление моделей языковой концептуализации, выраженных в повторяющихся, воспроизводимых в языках мира «семантических переходах» [4]. Под семантическим переходом при этом понимается наличие "концептуальной смежности между двумя языковыми значениями, проявляющейся в совмещении этих значений в пределах одного «слова в широком смысле»" [там же]. Совмещения эти могут быть реализованы одним из следующих типов: синхронная полисемия (ведущий тип реализации), диахроническая семантическая эволюция, морфологическая деривация, когнаты и заимствования. В данной работе мы используем данные о семантических переходах из Каталога семантических переходов DatSemShift, разрабатываемого в рамках этого теоретического подхода [1].

Как было показано в процессе контрастивного анализа, соотношение между наименованиями боковых родственников в изучаемых языках несимметрично. Английские значения концептуализируют семантическое поле бокового родства менее дифференцировано, чем тамильские. В английских лексемах «uncle», «aunt», «cousin» выражены более общие значения. В противоположность этому, тамильская система различает родственников с материнской и с отцовской стороны, уделяя большое внимание тому родственнику, посредством которого устанавливается родственная связь – то есть сиблингу родителя [7, 11]. Наиболее существенным является противопоставление родственников через однополых сиблингов кого-либо из родителей. Так, в пределах лексем *māṭaṅ* / *mātā* / (почтит.) *māṭanār*, а также *amṭāṅ* / *amṭāṅcēy* / *amṭāṅci* выражаются значения 'брат матери' и 'муж сестры отца', в то время как значение 'брат отца', в зависимости от относительного возраста в своем поколении, выражается

лексемами *periyappaṅ* / *periyappā* / *periyā takappaṅ* 'старший брат отца', 'муж старшей сестры матери' и *cirṭappaṅ* / *ciriyā takappaṅ* / *cinnappā* 'младший брат отца'.

Для систематизации значений, с учетом обсуждений с носителем языка, мы выделили две области внутри данного поля – родственники, объединенные общим наследованием собственности – подгруппа JHP (jointly held property subgroup) и родственники, объединенные возможностью кросс-кузенного брака – подгруппа PS (possible spouse subgroup). Семантические переходы, как мы показали далее, оказались схожи в каждой из постулированных групп.

Таким образом, в работе была рассмотрена система терминов бокового родства в тамильском языке, относящемся к дравидийской семье языков, и проведен сопоставительный анализ с системой терминов бокового родства в английском языке, относящемся к индо-европейской семье языков. Был использован метод работы с носителем языка, а также литературные данные по данному семантическому полю, – как лингвистические, так и антропологические. Было обнаружено частичное переводное соответствие тамильских и английских терминов бокового родства, а также выявлены параметры, которые могут быть использованы в дальнейших исследованиях в области дравидологии и семантической типологии.

Литература

1. DatSemShift: Database of semantic shifts in the languages of the world. Zalizniak Anna A., M.Bulakh, D. Ganenkoy, I.Gruntoy, T.Maisak, M. Rousseau: semshifts.iling-ran.ru
2. Брицын, В. М., Рахилина, Е. В., Резникова, Т. И., Яворская, Г. М. (ред.) Концепт БОЛЬ в типологическом освещении. 2009. Киев: Видавничий Дім Дмитра Бураго
3. Дзибель Г.В. Феномен родства: Прологомены к иденетической теории. // Алгебра родства, вып.6, Санкт–Петербург, 2001.
4. Зализняк Анна А. Семантический переход как объект типологии. // Вопросы языкознания, № 2, 2013
5. Рахилина Е.В., Майсак Т.А. (ред.) Глаголы движения в воде: лексическая типология – М.: Издательство «Индрик», 2007. – 752 с.
6. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М.: Русские словари, 2008. – 416 с.

7. Смирнитская А.А. Семантика терминов родства в тамильском языке с точки зрения типологии семантических переходов. Вестник РУДН. Серия "Лингвистика", 2016 (в печати).
8. Koptjevskaja-Tamm, M., Approaching lexical typology. // Vanhove M. (ed.) From polysemy to semantic change. Towards a typology of lexical semantic associations. (Studies in language companion series, 106.) Amsterdam, 2008.9. Koptjevskaja-Tamm, M. (ed.) The Linguistics of Temperature. John Benjamins Publishing Company. 2015
10. Speed, L., Chen, J., Huettig, F., & Majid, A. (2016). Do classifier categories affect or reflect object concepts? In A. Papafragou, D. Grodner, D. Mirman, & J. Trueswell (Eds.), Proceedings of the 38th Annual Meeting of the Cognitive Science Society (CogSci 2016) (pp. 2267-2272). Austin, TX: Cognitive Science Society.
11. Trautmann T.R. Dravidian Kinship. New Delhi: Vistaar Publ., 1995.
12. Zalizniak et al. 2012 – Zalizniak Anna A., Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Russo M. The Catalogue of Semantic Shifts as a Database for Lexical Semantic Typology // Linguistics. 2012. 50 (3). P. 634–670

Наталья Максимовна Спатарь
СПбГУ (Санкт-Петербург)

Бессоюзные условные конструкции в кхмерском языке¹

По формальным признакам кхмерские условные конструкции (УК) делятся на союзные и бессоюзные. Прототипической УК является сложноподчиненное предложение с союзом, в котором зависимая часть предшествует главной. Такой порядок следования частей УК является универсальным, а обратный – маркированным [Храковский 1998, с.9].

При этом прототипическим условным союзом является союз *pei*² «если, если бы»:

1. *pei khñum ja: ankma:n khñum a:c diñ phdah neh*
если я быть богат я мочь купить дом этот
«Если бы я был богат, я мог бы купить этот дом».

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-04-00474)

² Примеры даются в транслитерации

Абсолютное большинство УК в кхмерском тексте – это прототипические конструкции с союзом. Информанты настаивают на том, что опущение союза в таких конструкциях невозможно.

Бессоюзные УК характерны для языка пословиц:

2. *citt laa kra khluan*
душа хороший бедный тело
«(Будешь) добрым – исхудает/обеднеешь».

Все другие имеющиеся у нас примеры бессоюзных УК содержат запретительную частицу *kum* «не» и могут быть разделены на 2 типа. Во-первых, это прохибитивные высказывания, в которых *kum* употребляется с глаголом_главной части УК, порядок следования частей не может быть изменен:

3. *jhei ai: panticpantuac kum paNtoy duk ou yu:r*
болеть что немного не вести хранить давать долгий
«(Если) немного болит что-нибудь, не запускай».

Во-вторых, это контрфактические высказывания, которые строятся на параллельном употреблении запретительной частицы в обеих частях УК. Однако в русском переводе только глагол зависимой части употребляется в прохибитиве. Порядок следования частей может быть как прямым (4), так и обратным (5):

4. *kum tae khñum ramlik belvela: va: kum ai: va:*
не только я напоминать время он не что он
dau yî:t bel heiy
уходить поздний время уже
«Не напомни я ему про время, он бы опоздал».

5. *kum ai: khñum mak Tal' phdah mun ma:li:*
не что я приходить достигать дом раньше Мали
daudiat kum tae raval' nau ca:mdadual ge
еще не только заниматься находиться ждать она
noh ai:
тот что
«Да что там, я пришел бы домой еще раньше Мали, не жди (я) ее».

Мы рассмотрели только бессоюзные УК, а коммуникативные функции союзных УК гораздо разнообразнее. Главная часть союзной УК может представлять собой не только утверждение или запрещение, но также повеление, вопрос (в том числе риторический), восклицание.

Литература

1. Храковский В. С. Теоретический анализ условных конструкций (семантика, исчисление, типология) // Типология условных конструкций. Санкт-Петербург: Наука, 1998. С. 7-96.

Сергей Викторович Шацкий
СПбГУ (Санкт-Петербург)

Лексические особенности военной терминосистемы бенгальского языка

В настоящее время проблемы терминологии стали приоритетным направлением лингвистических исследований, что обуславливается заметным ростом значимости отраслевых подязыков. Настоящая работа посвящена лингвистическому анализу военной терминологии бенгальского языка. Материалом при проведении анализа стал составленный нами краткий словарь военной терминологии бенгальского языка общим объемом около 2000 терминологических единиц.

Ввиду множества исторических причин, бенгальский язык в течение значительного времени своего развития мало употреблялся в военной сфере. Активное формирование военно-терминологической системы бенгальского языка можно соотнести лишь с началом национально-освободительного движения в Индии. Однако развитие военного подязыка было и во многом остается неупорядоченным, стихийным; процесс расширения терминологического фонда военного подязыка бенгали характеризуется отсутствием организующего начала. Новые термины образуются естественным образом, а выбор той или иной модели терминообразования обуславливается только предпочтениями его «автора», который зачастую может не иметь серьезной лингвистической подготовки столь необходимой для качественного терминотворчества.

В ходе работы по составлению краткого словаря военной терминологии был выявлен ряд основных особенностей военной терминосистемы бенгальского языка:

1. Значительное число неологизмов в сфере военных терминов.
2. Обширная этимологическая база формирования военной терминосистемы.
3. Преимущественное использование лексико-грамматических ресурсов санскрита и английского языка в терминотворчестве.

4. Преимущественное использование синтаксического способа терминообразования.
5. Развитая терминологическая дублетность.
6. Неустойчивость орфографии ряда заимствованных терминов.

Приведенные особенности военной терминосистемы бенгальского языка фиксируют начальную стадию ее развития и свидетельствуют об острой необходимости выработки централизованного подхода к терминотворчеству, который смог бы полностью обеспечить терминологическую номинацию всех понятий, существующих на данном этапе развития военного дела.

Основной задачей формирования военной терминосистемы бенгальского языка в настоящее время является пополнение и упорядочение существующего терминологического фонда. Военно-технический прогресс, усиление процессов глобализации, выражающихся в области лексикологии активным взаимовлиянием языков, создают условия для дальнейшего развития военной терминосистемы бенгальского языка, устранения терминологической дублетности, ускорения процессов адаптации заимствованных терминов.

Литература

1. Алексеева Е.А. Лексикология бенгальского языка / Е.А. Алексеева. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 136 с.
2. Бархударов А.С. К вопросу о способах передачи новой терминологии в хинди / А.С. Бархударов // Краткие сообщения Ин-та народов Азии – Т. 62. – 1964, М., С. 14-35.
3. Бархударов А.С. Новосанскритизмы современного хинди / А.С. Бархударов // Проблемы истории языков и культуры народов Индии – М.: Наука, 1974. С. 211 – 225.
4. Герд А.С. Основы научно-технической лексикографии / А.С. Герд Изд. ЛГУ, 1986. – 69 с.
5. Головин Б.Н. Лингвистические основы учения о терминах / Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин. – М.: Высшая Школа, 1987. – 105 с.
6. Колгушкин А.Н. Лингвистика в военном деле / А.Н. Колгушкин. – М.: Воениздат, 1970. – 180 с.

7. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы теории и методики. М.: Изд-во АН СССР, 1961 – 156 с.8.
Маслов Д.А. Военная терминология современного японского языка: В функционально-сопоставительном аспекте: дис.... канд. филол. наук : Д.А. Маслов; Воен. Ун-т. – М., 2002. – 154 с.
9. Подрезов А.А. Лексико-грамматические особенности военной терминологии современного литературного языка хинди: дис. ... канд. филол. наук : А.А. Подрезов; Воен. Ун-т. – М., 2001. – 183 с.
10. Стрелковский Г. М. Теория и практика военного перевода: Немецкий язык. – М.: Воениздат, 1979. – 272 с.
11. Чижикова К.Л. Библиография работ по бенгальскому языкознанию / К.Л. Чижикова – М.: Наука, 1974. – 78 с.
12. Шевчук В.Н. Военно-терминологическая система в статике и динамике: автореф. дис. д-ра филол. наук: В.Н. Шевчук; – М., 1985. – 43 с.
13. Mukhopadhyay, Ashoke Samsad Samarthasabda kosh / 10th ed. Calcutta: Sahitya Samsad, 2005. – 500 p.
14. Biswas, Sailendra, Samsada Bangala abhidhana / 7th ed. Calcutta : Sahitya Samsad, 2004. – 947 p.
15. Biswas, Sailendra, Samsad Bengali-English dictionary / 3rd ed. Calcutta : Sahitya Samsad, 2000. – 1193 p.
16. Dasa, Jnanendramohana, Bangala bhashara abhidhana. Paribartita o paribardhita / Kalikata: Indiyana Pablisim Hausa, 1937. – 2318 p.

Светлана Игоревна Болонова
СПбГУ (Санкт-Петербург)

Тайский язык в исследованиях Л.Н. Морева.

Лев Николаевич Морев – ученый, труды которого пользуются широкой известностью у многих поколений отечественных востоковедов, в 1952 году окончил Московский институт востоковедения, после чего был командирован в МИД СССР в Таиланде для прохождения стажировки. По возвращении Морев стал преподавать тайский язык в МГИМО, став учителем практически всех советских таиландоведов. В 1962 году защитил докторскую диссертацию, а в 1991 стал доктором филологических наук. Более 50 лет Лев Николаевич проработал в Институте востоковедения РАН, им издано более 60 научных и научно-популярных работ. 15 июня 2012 года Л.Н. Морев скончался.

Лев Николаевич Морев внес значительный вклад в изучение языков Юго-Восточной Азии и огромный – в изучение тайского языка в России. Он – автор первого и по сей день единственного академического тайско-русского словаря с приложением краткого грамматического очерка. Словарь содержит около 26 000 слов. Этот словарь уникален и не имеет альтернатив для изучающих тайский язык. Каждому слову подобрано большое количество вариативных русских соответствий и разобраны нюансы, что облегчает перевод слова в контексте. С 1960-х годов многие значения тайских слов устарели, часто встречаются ошибки в транскрипции, однако это не отменяет фундаментальности труда.

Л.Н. Мореву принадлежит фундаментальная монография «Основы синтаксиса тайского языка». Ученый научным и в то же время доступным языком объясняет логику конструкции тайских предложений и функции основных синтаксических единиц, переводя большое количество превосходных примеров из тайской литературы с переводами. Отдельные статьи освещают такие сложные аспекты тайского языка, как глагол, имя существительное и пр. В них Л.Н. Морев предстает исследователем с четким научным взглядом на проблемы тайского языкознания.

Лев Николаевич всегда находился в курсе новостей изучения тайского языка и интересовался не только работами отечественных коллег. Одна из его статей посвящена изучению китайского языка китайскими лингвистами, которая расширяет представления русскоязычного читателя о родственных связях китайских и тайских языков.

Исследователь также занимался переводами художественной литературы: им были переведены социальный роман «Дьявол» Сени Саувапонга и роман «Лицом в будущее» Кулаба Сайпрадита.

Л.Н. Морев, помимо изучения тайского и лаосского языков, посвящал работы также исследованиям других языков тайской семьи («Сопоставительная грамматика тайских языков», 1991). Таким образом, границы его исследований значительно расширились до сравнительно-типологических исследований на материале языков Юго-Восточной Азии. Для серии «Языки Азии и Африки» исследователем были подготовлены 5 книг по языкам шанов, сэк, лы и др.

Литература

1. Пер. с тайск. яз. // Сибурапа. Лицом в будущее. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. 139 с.
2. Пер. с тайск. яз. // Сени Саувапонг. Дьявол. М.: Худож. лит., 1966. 174 с.
3. Дейктические глагольные конструкции в тайских языках // Внутренний мир и бытие языка: процессы и формы. М., 2008. С. 563–572.
4. О тайском литературном языке. // Современные литературные языки стран Азии. М., 1965.
5. О “сложных словах” в тайском языке // Языки Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Проблема сложных слов. – М.: Наука, 1985.
6. Об объёме категории глагола в тайском языке // Языки Китая и Юго-Восточной Азии. – М.: Наука, 1964
7. Основы синтаксиса тайского языка. М.: Наука, 1964. 24 с.
8. Относительно синтаксического анализа тайского предложения // Вопросы структуры языка. М., 1964. С. 171–179.
9. Сопоставительная грамматика тайских языков. М.: Наука, 1991.
10. Сопоставительный анализ синтаксических конструкций в тайских языках // Языки Китая и Юго-Восточной Азии. М., 1974. С. 118–136.
11. Тайские языки с позиции китайских лингвистов // Китайское языкознание: Изолирующие языки: XI международная конференция: Материалы. - М., 2002. - С. 180-186
12. Тайский язык / АН СССР. Ин-т народов Азии. М.: Вост. лит., 1961. 150 с. (совм. с Ю.А. Пламом, М.Ф. Фомичевой).
13. Тайское языкознание в Институте востоковедения РАН и в России за 50 лет // Бюллетень Общества востоковедов РАН. М., 2010. Вып. 17. С. 59–71.

14. Тайско-русский словарь. Около 26 тыс. слов. М.: Сов. энциклопедия, 1964. 985 с.
15. Типологическая конвергенция китайского и тайских языков на территории Китая // Актуальные вопросы китайского языкознания. М., 1990. С. 163–167.
16. Удвоение в тайских языках // Языки Юго-Восточной Азии. Проблемы повторов. М., 1980. С. 155–164.

Содержание

Андросенко Р.А. <i>Опыт анализа поэзии Го Можо в контексте его жизненных реалий: на примере стихотворения «Цинь фэн цзянь цзя» «秦风蒹葭»</i>	1
Антонян К.В. <i>Жанр цзацзуань в средневековой китайской литературе и китайская лексикография</i>	3
Ветров П.П. <i>Фразео-лексическая сочетаемость и конструктивная обусловленность воспроизводства фразеологизмов-идиом в речи (на материале современного китайского языка)</i>	5
Готлиб О.М. и др. <i>К вопросу о графических изменениях в эволюции китайских письменных знаков в трактовке И.М. Ошанина</i>	7
Дмитренко С.Ю. <i>Вариативность глагольного управления в кхмерском языке</i>	9
Дудченко Г.Б. <i>Неологизмы в виде фонетических заимствований в китайском языке</i>	10
Еловков Д.И. <i>Некоторые особенности номинации в кхмерском языке</i> ..	12
Князева Е.М. <i>Индоарийский язык куллуи: степень витальности (Индия, штат Химачал-Прадеш)</i>	14
Крамарова С.Г. <i>Средства оформления определенности существительного в балийском языке</i>	17
Крылова А.С. <i>Классификация языков мунда по данным лексико-статистики</i>	19
Мазурова Ю.В. <i>Опыт полевого исследования идиома западной группы пахари (Северная Индия)</i>	21
Орехов Б.В. и др. <i>Разработка корпуса тайского языка</i>	23
Погибенко Т.Г. <i>Вид и время в языке ма: аспекты факультативности</i> ..	24

Ренковская Е.А. <i>Императив в языке куллу</i>	29
Симоненко Н.Ю. <i>Обобщение опыта изучения повествовательных текстов отечественными востоковедами XX-XXI вв. с позиций нарратологии</i>	32
Смирнитская А.А. <i>Контрастивный лексико-типологический анализ тамильских и английских терминов бокового родства</i>	34
Спатарь Н.М. <i>Бессоюзные условные конструкции в кхмерском языке</i> ...	37
Шацкий С.В. <i>Лексические особенности военной терминосистемы бенгальского языка</i>	39
Болонова С.И. <i>Тайский язык в исследованиях Л.Н. Морева.</i>	